

Светлана Агавердиева

Местонеимение

Светлана Расифовна Агавердиева
Местонеимение.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29806888

SelfPub; 2018

Аннотация

Я, мы, ты, вы: фантазмагория букв. Если коротко, то: об отражении.

Содержание

МИНИАТЮРЫ	4
<Бесконечные повторы>	6
<Глаза>	7
<О разочаровании>	10
Человечек, наст. вр.	11
<в день первый>	11
<на второй день>	15
<в день третий>	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

МИНИАТЮРЫ

<Варежка>

Люди сидели и зевали. Зевали и седали. Перебирали ножками и двигались вперёд. В то их вечное вперёд, догнать которое ещё никто не смог. Зато все служили будущему, все поклонялись будущему.

Но вдруг один человек замер среди толпы. В том месте, где он окаменел, образовался затор: люди врезались в него плечами, строили злые рожи, спотыкались. Кое-кто даже расшиб свою злость о мощёную площадь. А у человека глаза лезли из орбит, лицо краснело – у него был приступ скуки. И, когда человек раздулся до невообразимых размеров – свершилось: он открыл свой красный тёплый рот, свою страстно поглощающую воздух варежку – и зевнул. Но что-то пошло не так. Да-да, во всём нашем смирном миропорядке вдруг что-то разлетелось, отвалилось, хрустнуло. Будто бог сшиб мизинцем табуретку. Мир начал исчезать: зевающий втягивал его в свою бездонную пасть. Деревья от ужаса карябали землю – но их неумолимо тащило к зевающему. И зданья, и столбы, и вывески – всё всасывал в себя заскучавший человек. И вот, наконец, он отзевался. Протёр слезящиеся глаза, удовлетворённо хлопнул себя по животу.

– Ой, – вырвалось у него, когда он в изумлении оглянулся по сторонам. Ничего не было. Только белое пространство обнимало его.

Только люди продолжали куда-то невозмутимо двигаться в этой стерильности. Ничего не было.

<Бесконечные повторы>

Я потянулся за камерой, но вспомнил: сегодня уже все, кто только мог, сфотографировали первый снег. А значит, моё фото ничего не будет стоить: я не принесу ничего нового. Всё уже сделано, сказано, придумано. Включая эту мысль.

И я опустил руку. Опустил руки. Я молча смотрел на снежинки, которым был отмерен короткий путь: с неба – до асфальта. Я закрыл глаза и стоял так, забывая людей, забывая себя. Когда я их открыл – ничего не было: абсолютная белизна. Чистота, пустота, ноль. Я напряг воображение: стали прорисовываться чьи-то спины, машины, домишки – города. Пока я всё это создавал и расставлял по местам, прошёл век. Прошёл мимо и не обернулся. Он был в сером пальто и вёл за руку ребёнка. На светофоре его сбила машина: он умер сразу же. Ребёнок вырос. А я стоял на месте. Всё это время -стоял. Белой простынёй замело труп на шоссе. Я был бесплотным. Минули сотни лет: тело представлялось мне чем-то забытым, замураванным в катакомбах памяти. Я плавно опускался на землю и таял. Вился в воздухе, заметал чужие следы. Я лишился речи, но тем самым сотворил тишину. Я стал, я был – снегом. Кто-то достал камеру, и я замер смазанными белыми искрами на чужом фотоснимке.

<Глаза>

С. стоял перед зеркалом и ощущал какую-то иноземную тоску.

"Как хорошо, что..." – подумал С. и разбил зеркало. "А большие куски придется ещё..."

С. принёс второе зеркало: пусть стоит немым соглядатаем.

С. любил ходить босиком по полу, но теперь боялся порезаться осколками. Расчистив себе пространство, он уселся напротив целого зеркала. Клей вылез из тюбика прозрачным пузырьём, растянулся по матовой поверхности стекла, задел указательный палец. С приложил намазанный кусок зеркала обратной стороной к лицу, приклеил. Повертелся. Полюбовался. Улыбнулся. Его щека выпала из окружающего пространства. Вместо неё он теперь видел угол тумбы. Затем выпал лоб, висок, подбородок. Выключатель, замочная скважина, ручка двери. Какое счастье. Шея, плечи, ключицы. Выходит неаккуратно, но: снова тумба, лежащий на ней "царь эдип", узор обоев. Незаклеенными остались только глаза. Они и так созданы ремесленником зазеркалья (в голове – штампованные метафоры).

Какое счастье! Идти по улице и быть наконец-то тем, к чему, кажется, стремился с самого своего пелёночного начала.

Вон – кто-то помахал рукой. Рука размножилась и проскользнула зеркальными двойниками по лицу С. И все были вместе, и глаза любили изображение, "и я люблю вас всех" – подумал С.

Солнце прорисовывало предметы, окаймляло их лиловой бахромой. Что-то сверкнуло и взрезало зрачок вспышкой. Щурясь, С. подошёл к витрине. Его глаза распахнул восторг.

Мир никогда ничего не умел. Люди никогда ничего не умели. Но теперь – всё отражалось. Без стеснения, без цели, без надобности – всё отражалось.

Небо, ногоруки, взлетающие на ветру шарфы – как прекрасно лицо С.! Как прекрасно преломление. О солнечные блики на земле, порождение зеркал, единственные спутники, единоутробные сочувствующие. С. отражал, витрина отражала, глаза выражали...

И что-то крутанулось под ногами – "ну как они не поняли, что зря сожгли бедняжку Бруно".

Что-то крутанулось. И С. потерял сознание.

Лицо разбилось. Мир разродился сотнями сверкающих частиц.

Асфальт был в крови.

<О разочаровании>

В семье С. все любили чай. С любила кофе, но кофе никто не пил.

И вот однажды С. влюбилась.

– Я люблю чай, а ты? – спросил он.

С. громко зарыдала и убежала. Больше она ни в кого не влюблялась.

Все обожали жить, все знали, как жить – все жили и хлебали чай.

А С. возненавидела всех, разозлилась и умерла от злости.

Умерев, она открыла глаза и увидела перед собой чайную реку, берега чайных листьев и карее, чайное, похожее на зрачок, солнце. Тогда С. заплакала. От вылившихся слёз она высохла и окаменела. И стала похожа на жухлое чайное дерево.

РАССКАЗЫ

Человечек, наст. вр.

<в день первый>

Покидать подушку (эту лучшую из любовниц!) в шесть утра, безусловно, дело трагичное. Трагичное не для меня одной, а для нескончаемой толпы, уже, к сожалению, идущей своим сомнамбулическим ходом по просторам Хроноса. О, будничная вечность, о вечность будней. Но мне кажется, что безысходность всех этих несметных дней достигает своего Эвереста именно тогда, когда мы теряем их начало и конец.

Утренние тени. Утренние тени, ростком пробивающие вечность. Кто вы такие? Я знаю, мои утренние тени, мы с вами одной породы. Помню, помню я того седого, сторбленного бога. Папочку, лихо (и, между прочим, без всяких семиразовых замеров) махнувшего ножницами по чёрной парче. Костюм – мне, обрезки – вам. И ночь – в чёрных дырах.

Ломающиеся о бордюры, гуашевые тени. Семичасовое солнце. Сонные мины. Этот шаг – их крестный ход. Куда же мы идём? К вагонам, к вагонам, дорогие! Но не в путь, а в пункт бытового небытия.

Только вот незадача: я совсем не помню своего утра. Не

помню, как оказалась очередной (столь подходящей) загогулиной в орнаменте толпы.

Электричка приближалась и гудела перебежавшим пути людям. Я всегда вздрагивала от этого зрелища: спешащие, неосторожные человеки. Они сами внутренне сжимаются перед возможностью столкновения. Вечность несётся на них, угрожая отнять пространство и время, но нет – всё же они аккуратны и предпочитают ехать, прилежно оплатив билет, навстречу добровольному лишению пространства и времени за символическое вознаграждение.

Страшно находить себя в толпе. Вот так вот вдруг. Я не могу вспомнить начала сегодняшнего дня или же конец вчерашнего. Я просто иду с ними, я ничего не помню. Люди выдыхают пар, солнце очерчивает его фантазмагорические фигуры, очерчивает лбы, носы, подбородки. Мы ступаем по дощечатому мосту теней. И я вспоминаю... Это нечто из области Морфея, нечто за ободом моего сознания. Проще говоря, сущая чушь.

Ещё раньше, полседьмого. Красный нарыв солнца лопается над лесом. Слепит глаза. Мальчишка, не замечая меня, не обращая внимания на моё существование, катит паршивыми колёсами своего велика по моему телу. Рассекает лужу, словно она Атлантический. И этот девятый вал обрушивается грязью. Голубь склёвывает с меня шелуху. Я распя-

та прямо на асфальте. Нет, не богом – тенью. Его или нет – не знаю. Растушёванная кисть, размазанная голова, удлинённые ноги. Тень забора зеброй падает на мою. Мою? Может ли у тени быть своя тень? Я лежу на асфальте. Я лежу на асфальте тенью. Солнце слизнем ползёт выше. Воздух гудит. Содрогается воздух и что-то внутри меня. Проходит пятнадцать минут. Зебра забора меняет своё положение. Скользит вдоль моей головы.

– Девушка, у вас всё хорошо?

– У меня?

– Давайте я вам помогу.

Он перекидывает сигарету к другому уголку рта и протягивает мне руку. Тёплую, безобразную лапу. Я хватаюсь. Отряхиваю джинсы. Дышу на замёрзшие ладони.

– Спасибо.

Мне кажется, такое случилось со мной не в первый раз. До этого я отклеивалась от забора, меня приносила и скидывала с себя проезжающая электричка. И всего один раз (давным-давно) я удачно сложилась, словно незатейливый пазл, из случайно встретившихся теней различного происхождения.

Как страшно узнать себя в толпе – будто взглядом сверху. Вот так вот вдруг. Без прошло, без памяти, с будущим в кармане, и привкусом утренней тошноты от настоящего.

<на второй день>

Пасть метро втягивала людей: ряд зубов-ступеней тащил их к вполне себе изведанным глубинам. Меня несло наверх. Я представляла как со стороны прохожие видят сначала мою голову, затем плечи, грудь, ноги. И тут нечто выскочило из-за угла.

– Отлично выглядишь, Лиля – Мария кривит рот в саркастичной улыбке, – лицо всё жёлтое такое. Вот скажи, ты высыпаешься?

Я растерянно улыбаюсь, и это сходит за ответ.

– Ты выучила отрывок? Да? Я тоже. Вот скажи, как можно это успевать? Я из дома в выходные так никуда и не выбиралась.

Мария ходит очень быстро. Я подстраиваюсь под её темп, хотя мне и не удобно. Мы летим вдоль улиц, слова Марии летят мимо моих ушей.

Какой швейей пришиты эти тени к земле? Искусный и страшный узор: вот, например, здание, вот, например, дерево – (словно) не сдвинуть, не свернуть – каждое утро пришивают эту тень в одно и то же место. И хоть ошиблась бы

швея. Но швея никогда не ошибается – я иду за Марией к институту.

У самого входа – сброд осенних листьев и окурков. Дворник вещает своему собеседнику: – А я и говорю, что культуры-то нет. Я про это говорю. Я так и сказал.

Мы входим, прикладываем электронный пропуск, проникаем в эту храмину знаний.

Солнце протягивает свои утончённые фаланги сквозь жалюзи – в аудиторию.

– Так. Теперь. Что такое образ леса у Данте? Что это за лес такой?

Мы молчим. Преподаватель крутит свои бусики, выжидающе смотрит на нас. – Ну? Лес, лес, «я очутился в сумрачном лесу».

Студенты страстно листают конспекты. Как будто листья шумят. В лесу. Сумрачном.

Преподаватель кусает губы: пытается удержать ответ у себя во рту.

– Лес – это что-то запутанное, – вдруг неуверенно выдаёт

кто-то с задней парты.

Я молчу.

Нечто шевелится у меня под ногами. Я вздрагиваю: тень. Моя собственная тень дёргается под партой. А я не двигаюсь. Страх тошнотой подкатывает к горлу. Опять оно. И тут я замечаю: сидящая рядом Мария болтает ногой – тень покорно качается вместе с ней. Страх опадает в живот, стекает в ноги, заземляется. Этого не случилось уже целый день. Я стала находить себя тeneвым оборотнем намного реже с тех самых пор. С тех самых пор как...

Но для начала: в первый раз – я думала, что это сны. Потом, что я сошла с ума. Уже позже – я приняла себя. Просто иногда я обнаруживаю себя тенью в разных местах. У меня нет ни рук, ни ног – лишь вытянутые преобразования. Я ничего не вижу, не чувствую. Но я знаю, кто я. Я слышу шуршание шин по асфальту, топот ног или тьякканье собак. Затем моё сознание будто совершает кульбит. Следующее – резкая боль в глазах, дрожь, тошнота. И вот: я тенью поднимаюсь с земли/забора/зданья. Это происходило всегда. Первое такое сознательное отпочкование случилось ещё в детстве, у бабушки, от жасминового куста. Забавно то, что кроме меня этого никто никогда не замечал.

<С тех самых пор как> на прошлой неделе я встретила человека на платформе. Назовём его «С.». Я сидела и смот-

рела на ветер. «Какое корявое предложение», – скажете вы. «Хорошо, хорошо», – скажу я, – «как захотите, так и будет». Я сидела и смотрела, как ветер расписывает небо, размазывая по нему облака (так ребёнок размазывает сопли по лицу). Смотрела, как ветер треплет деревья, злясь на них за отсутствие листвы. «Слишком длинно, слишком муторно», – заверещите вы. «Тихо, тихо, как вам захочется... я сделаю всё». Я сидела и разглядывала лужи под ногами. И тут подошёл С. Он мне сразу же и сказал: «я – С.».

«С., так С.», – подумала я.

Он закурил. Его рука выглядела предельно нелепо: широко расставленные пальцы, напряжённая кисть – смешно. Но лицо было настолько серьёзным и невозмутимым, что мой смешок куда-то затерялся.

С. протянул мне яблоко – жёлтое, бунинское. «Ой, – вскрикните вы, – зачем тебе эти отсылки? Сама придумать не можешь? Было уже такое». «Господи», – вырвется у меня.

С. протянул мне яблоко – шершавое, напоминающее полную луну. И что-то рвануло в катакомбах памяти.

Помню такие же яблоки (белый налив) разбросанные по грядкам. На коленках – отпечатки сырой земли. Прищурив

один глаз, я стараюсь сохранить контраст: чёрная земля, белёдые яблоки. Мне было семь лет и что могло волновать меня кроме этого контраста? Только не испачканная красная юбка.

С. улыбнулся мне. Не докурив, потушил сигарету.

– Интересно, куда они? – самолёты полосовали небо. – Если я смотрю на них, я, вроде как, уже с ними? Или как? Как думаешь?

Я кивнула.

– А всё таки – нет...

Треснула скорлупа: закат желтком растёкся по небу. Нас затопило рыжим варевом. Приехала электричка, но никто не сдвинулся с места. Электричка уехала. Муравьями разбежались пассажиры.

Я представила, как мы выглядели со стороны: ничем не прикрытые для их взгляда в этом предельно прозрачном апрельском воздухе – два человека в пальто. Два человека, оккупировавшие лавку: каждый – со своего края. Под ногами вздрагивают наши умирающие тени. Смотрите, смотрите, милые прохожие, под ногами корчатся наши тени.

А если ещё отдалённее, растягивая пластилин будущего: какая перспектива! смотрите, милые, под кроватью – сброд одежды.

Вот с тех самых пор я уже не так боюсь своего появления из тени.

– Лес – это переход в другое пространство, иной мир. Лес – стихия... типа прохода. Портал, можно сказать, – преподаша листает слайды, поправляет волосы.

– Лес – это начало любви, – тихо говорю я. Но никто не обращает на меня внимания.

Мы выходим в коридор. Мария говорит о детях. О, эта Мария со своим нерождённым христом...

– Лучше б я детей воспитывала, чем тут находилась, – она смеётся, – ну почему я пошла в этот вуз, скажи мне? Чтòб он сто..., – Мария не успевает договорить, её перебивает грохот. Я хватаюсь за подоконник, пытаюсь устоять. Где-то рядом на полу сидит китаянка и обнимает свою мраморную ножку. Дышать не то, чтобы тяжело, но горло дерёт от пыли, подобно туману наполнившей воздух. Осыпается штукатурка: китаянка сидит и поражается, что в россии снег идёт даже в зданиях. И чего ей этот институт русского языка?

Кто-то кричит, кто-то ругается. Никого не задело. Мария

истерично смеётся.

Я поворачиваю ручку, открываю окно, надеясь выпустить безмятежную улицу с её свежим ветром на место происшествия. Холодно. И ничего не видно. Протираю глаза, рассматриваю свои руки – пальцы покрыты белёсым налётом и размазанной по ним тушью. Мне всё таки удаётся кое-что разглядеть – потолок обвалился.

Четвёртый этаж наполняется народом. Все ахают и укоризненно покачивают головами. Строитель смотрит на нас сверху вниз, прямо из дыры, словно веснушчатый мальчик, который пытается в солнечную погоду проникнуть в тайну звёзд в колодце. Строитель морщится – никаких звёзд. Ему что-то угрожающе кричат. В ответ – голова исчезает из проёма. Я пробираюсь в первый ряд соглядатаев. Мы стоим и смотрим в дыру в потолке. Плывут облака. Под ними – синее-синее нутро.

<в день третий>

Солнце расстилает по земле свою леопардовую шкуру. Мы вытираем о неё ноги и без зазора совести забираемся с ними на лавку. Лавка эта находится в роще, в самом неприглядном для неё месте: за каким-то домиком да ещё и так, что сидящий на ней непременно упирается взглядом в стену. Из спинки лавки выломана одна зелёная доска, и мы с упоением просовываем ноги в образовавшийся просвет, отказываясь разглядывать исписанную штукатурку стены. Мы видим холм и видим змею дороги, а также – пряничные домики, за ними – зубья леса (и наш взгляд рассекается о них). С. старается удобнее расположить своё тело, но у него слишком длинные ноги – им нигде не находится места. В конце концов он ставит одну на лавку, а другую спускает вниз.

И закуривает: опять очень по-медвежьи. Я засматриваюсь на вкрапление грязи на его штанине и проигрываю в карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.